

A surreal sci-fi landscape. In the foreground, a person in a dark, textured suit stands on a rocky, desert-like terrain, looking out over a vast, mountainous valley. The sky is a vibrant blue, filled with fluffy white clouds. Numerous flying saucers of various colors (purple, yellow, black) are scattered throughout the sky. A massive, detailed planet with blue oceans and brown landmasses dominates the upper half of the frame. A thin, metallic ring or band passes horizontally across the planet. The overall scene is a blend of natural beauty and futuristic elements.

Виктор Горностаев

СПУТНИК

Виктор Горностаев

Спутник

<https://litres.ru/74143874>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человечество научилось менять орбиты планет с помощью гравитационных волн, и это казалось триумфом. Но за движением далёкого спутника Мнема скрывалась тайна, которую невозможно было расшифровать приборами. Когда капитан Артём Северин отправляется к аномальному объекту, его корабль встречают не инопланетяне, а больница. За её стенами живут «остаточные» — люди из вычеркнутых ветвей реальности. Они не хотят мести; они хотят вернуть себе право на существование. Но цена этого возвращения — уничтожение Земли, и бомба уже имплантирована в грудь капитана. «Спутник» — это жестокая и красивая научная фантастика о любви, которая сильнее гравитации, и о долге, который нельзя исполнить без утраты.

Виктор Горностаев

Спутник

Глава 1

Виктор Горностаев

СПУТНИК

рассказ

Сборник научной фантастики · книга первая

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Небесная механика 4
2. Океан без воды 11
3. Мнема 20
4. Приёмный покой 30
5. Люди из белых коридоров 39
6. Возвращение 47
7. Дом 56
8. Направление 64
9. По эту сторону 71

1. Небесная механика

[МЕСТО ДЛЯ ПОЛОСНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ]

Промпт: *Огромный тёмный зал управления: стены-экраны, на них бледная планета с глубокими синими полосами атмосферы и крошечная тёмная точка спутника рядом. За длинным столом пятеро, во главе — сухая седая женщина с туго собранными волосами. Расстояние между планетой и спутником словно дышит. Стиль серии: монохромная карандашная графика с мягкой светотенью, реализм с лёгким сюрреалистическим сдвигом, без текста и надписей в кадре, полосная книжная иллюстрация 145×215.*

Когда люди впервые научились менять орбиты планет, это не выглядело как победа.

Не было парадов на главных площадях, не было единого дня, когда человечество, подняв лица к небу, увидело бы, как старый порядок небес склоняется перед разумом. Всё произошло тише, почти буднично. Вначале — расчёты. Потом — экспериментальные импульсы на дальних ледяных телах. Затем — осторожные смещения малых астероидов, не имеющих имён, только номера в каталогах. И только через десятилетия, когда гравитационные волны научились не просто регистрировать, а формировать, направлять, складывать в резонансные узоры, человек впервые коснулся траектории планеты.

Не руками. Не двигателями. Не чудовищными ракетами, выжигающими вещество в бессмысленной ярости.

Человек коснулся планеты музыкой.

Так это называли в популярной прессе: музыка массивных тел. На самом деле никакой музыки не было. Были гравитационные интерферометры размером с континенты, кольцевые станции на орбитах газовых гигантов, математические модели, которые строились не в обычном трёхмерном пространстве, а в многослойных фазовых картах. Были поля, напряжения, поправки, скрытые переменные, усталые инженеры, неделями не выходившие из симуляционных залов. Но

людям хотелось образа, и образ прижился.

Планеты стали звучать. С Земли это выглядело странно.

Ночь за ночью астрономы-любители выкладывали в сеть ускоренные записи неба, где далёкая планета Эвридика и её спутник, почти невидимый без усиления, будто бы дышали. Расстояние между ними менялось не так, как должно было меняться по старым учебникам. Они сближались и расходились с медленной, невозможной регулярностью, словно кто-то невидимый осторожно сжимал и отпускал пружину небесной механики.

Специалисты объясняли: всё под контролем.

Журналисты спрашивали: а не опасно ли это?

Специалисты улыбались.

Почти всегда так начинается беда: кто-то с уверенностью говорит, что всё под контролем.

Капитан Артём Северин не любил эту фразу. За двадцать семь лет службы он слышал её перед авариями, перед эвакуациями, перед короткими сообщениями, которые потом превращались в списки погибших. «Всё под контролем» означало лишь одно: система ещё не показала, где она сильнее человека.

Он подумал об этом в тот вечер, когда его вызвали в Центральное управление орбитальной динамики.

Здание Управления стояло за пределами старой Москвы, в новом научном поясе, где лаборатории были похожи на храмы без богов: низкие, строгие, холодные, с плоскими

крышами и внутренними дворами, куда почти не попадал ветер. Артём приехал поздно. Дождь стекал по затемнённо-му стеклу машины, город позади расплывался жёлтыми пятнами. На входе его уже ждали.

— Капитан Северин?

— Да.

— Вас ждут в нижнем зале.

Нижний зал находился не под землёй, как ожидалось, а внутри огромной пустоты, вырезанной в массиве здания. Стены были покрыты матовым экраном. Когда Артём вошёл, экран показывал Эвридику: бледную планету с глубокими синими полосами атмосферы и тонким сиянием на ночной стороне. Рядом с ней, чуть выше, висел спутник. Маленькая тёмная точка, почти дефект изображения.

За длинным столом сидели пятеро. Двух он знал лично. Третью видел на докладах. Остальных не знал, но по их лицам понял: военные здесь были не главными.

Главной была женщина лет шестидесяти, сухая, прямая, с белыми волосами, собранными так туго, будто даже её причёска подчинялась дисциплине. Профессор Ирина Даль, руководитель проекта «Орфей».

Именно «Орфей» научил планеты звучать.

— Капитан, — сказала она, не вставая. — Спасибо, что приехали быстро.

— У меня было ощущение, что отказаться нельзя.

— Вы не ошиблись.

На экране спутник увеличился. Его поверхность была неровной, серой, покрытой длинными тенями. Обычное мёртвое тело. Камень, лёд, пыль, следы древних ударов.

— Это Мнема, — сказала Даль. — Единственный крупный спутник Эвридики. До начала манёвров его орбита была стабильной. Наклон — в пределах допустимого, эксцентриситет малый. После серии гравитационных коррекций мы получили расхождение.

— Какое расхождение?

Один из молодых специалистов провёл рукой над столом, и рядом с планетой возникла красная линия. Она не совпадала с расчётной орбитой. Сначала почти неотличимо, потом всё сильнее, будто спутник постепенно выбирал собственную волю.

— Мнема не реагирует на поле так, как должна реагировать масса её класса, — сказала Даль. — У нас есть три гипотезы. Первая: ошибка в параметрах внутренней плотности. Вторая: резонанс с подповерхностной структурой. Третья...

Она замолчала.

— Третья? — спросил Артём.

— Там есть что-то, чего мы не видим.

Он посмотрел на спутник. Просто камень. Просто точка в пространстве, слишком далёкая, чтобы вызывать тревогу.

— Автоматические зонды?

— Два потеряны. Один вернулся с повреждённой памятью. Четвёртый передал данные, которые невозможно интер-

претировать.

— Невозможно — это как?

Профессор Даль впервые отвела взгляд от экрана и посмотрела на него.

— В течение семи минут он передавал медицинскую телеметрию.

— Что?

— Температура воздуха. Давление. Содержание кислорода. Следы органики. Электрическое освещение. Потом сигнал оборвался.

В зале стало тихо.

Артём медленно сел. Он уже понял, почему вызвали его. Не потому, что он был лучшим пилотом. Лучших пилотов хватало. Не потому, что он был героем. Герои в таких ситуациях обычно только мешали. Его вызвали потому, что он умел возвращаться с объектов, где карты переставали работать.

Он был на Тритоне после разрыва купола. Он выводил людей из станции «Кассандра», когда там из-за сбоя в системе сна экипаж проснулся через сто восемьдесят лет вместо восьми месяцев. Он трижды участвовал в экспедициях, где официальные отчёты потом сокращали до фразы «контакт с неизвестной средой».

— Состав? — спросил он.

Даль кивнула, будто именно этого вопроса ждала.

— Малый экипаж. Вы. Навигатор и пилот второго класса

Евгения Ли. Гравиметрист Мирон Антонов. Биофизик Самира Кай. Инженер системной среды Павел Руденко. И специалист по древним языковым структурам Лев Нор.

— По каким структурам?

— Древним языковым.

— Мы летим к спутнику, который нарушает гравитационные параметры, а вы берёте лингвиста?

— После последней передачи зонда мы получили фрагмент аудио.

На экране спутник исчез. Зал наполнился звуком.

Сначала был шум. Потом — дыхание. Или что-то похожее. Потом голос.

Голос был человеческим.

Он говорил медленно, с шипящими помехами, словно доносился не через радиоканал, а сквозь толщу воды.

— ...приготовить приёмный покой... источник близок... не тревожить несущую... пациент должен войти сам...

Запись оборвалась.

Никто не двинулся.

Артём почувствовал, как по спине проходит холод, очень земной, очень древний. Такой холод не имел отношения к космосу. Так человек ощущал не пустоту, а присутствие.

— Когда старт? — спросил он.

— Через шесть дней.

Он хотел сказать, что шесть дней мало. Что нужно больше данных, больше симуляций, больше автоматических попы-

ток. Но не сказал. Если его вызвали сейчас, значит, всё это уже говорили до него.

— Мне нужно сутки на личные дела.

— У вас будет двое суток.

— Тогда через шесть дней.

Профессор Даль отключила экран. Планета исчезла. Спутник исчез. Зал снова стал просто залом.

Но Артём ещё несколько секунд видел перед собой тёмную точку рядом с бледной планетой. И ему казалось, что расстояние между ними действительно дышит.

Как грудь спящего больного.

2. Океан без воды

[МЕСТО ДЛЯ ПОЛОСНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ]

Промпт: *Командный отсек дальнего корабля: на обзорном экране — длинное гибкое существо с вытянутой зубастой мордой плывёт в вакууме, как дельфин в океане; свет звёзд на тонких зубах, полупрозрачная кожа с серебристыми линиями. Экипаж замер у экрана. Стиль серии: монохромная карандашная графика с мягкой светотенью, реализм с лёгким сюрреалистическим сдвигом, без текста и надписей в кадре, полосная книжная иллюстрация 145×215.*

Корабль назывался «Сирин».

По старой традиции дальним исследовательским судам давали имена существ, которые должны были петь людям на границе миров. В этом было что-то суеверное, почти смешное. Инженеры могли сколько угодно говорить о реакторах, полях и контурах, но в решающий момент человек всё равно цеплялся за миф. Ему хотелось, чтобы в пустоте рядом с ним был не просто металл, а птица с человеческим лицом, способная помнить дорогу домой.

Перед стартом Артём два дня провёл с семьёй.

Он не сказал им, куда летит. Лера не спрашивала прямо. За годы их брака она научилась понимать разницу между секретом и молчанием. Секрет раздражает. Молчание защищает.

Вечером они сидели на кухне. Их сын Яша собирал на полу модель старой ракеты, хотя ракеты давно не были похожи на ракеты из его набора. Лера резала яблоки тонкими дольками, так аккуратно, будто это имело значение.

— Далеко? — спросила она.

— Достаточно.

— Опасно?

Артём посмотрел на сына. Яша делал вид, что не слушает, но пальцы его замерли над деталью.

— Не больше, чем обычно.

Лера усмехнулась. Не зло. Устало.

— У тебя «обычно» — плохая единица измерения.

Он хотел ответить шуткой, но не смог. Вместо этого взял одну яблочную дольку и положил в рот. Яблоко было кислым, живым, почти болезненно настоящим.

— Я вернусь, — сказал он.

Яша поднял голову.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что всегда возвращаюсь.

— А если однажды нет?

Лера замерла.

Артём опустился на пол рядом с сыном. Ракета была почти собрана, только один стабилизатор никак не вставал на место.

— Тогда я постараюсь сделать так, чтобы вы всё равно были в безопасности.

— Это не то же самое.

— Нет, — сказал Артём. — Не то же самое.

Яша посмотрел на него серьёзно, как умеют смотреть дети, когда вдруг становятся старше на несколько лет.

— А ты боишься?

Артём хотел сказать «нет». Это было бы привычно. Правильно. Отцовски.

Но почему-то сказал правду:

— Да.

Яша подумал, потом протянул ему стабилизатор.

— Тогда возьми. Он запасной.

Артём взял маленькую пластиковую деталь. Красную, лёгкую, с неровным краем.

— Спасибо.

Он положил её в карман формы перед стартом. Не потому, что верил в талисманы. Просто некоторые вещи должны быть с человеком, когда он пересекает границу.

«Сирин» стартовал с лунной орбитальной рампы, где Земля висела огромной синей стеной за прозрачным куполом переходного шлюза. Экипаж собирался молча. У каждого были свои способы входить в дальний полёт. Евгения Ли, пилот, слушала старую музыку в костном наушнике и постукивала пальцами по бедру в ритм, которого никто кроме неё не слышал. Мирон Антонов трижды проверил ручной гравиметр, хотя корабельная система была в тысячу раз точнее. Самира Кай стояла у иллюминатора и смотрела на Землю с таким выражением, будто пыталась запомнить не планету, а саму возможность цвета. Павел Руденко ругался с интерфейсом бытового блока, потому что тот отказался принимать его личные настройки кофе. Лев Нор читал бумажную книгу.

Бумажную.

Артём заметил это сразу.

— Вы серьёзно взяли бумагу в дальний полёт?

Лев поднял глаза. Ему было около сорока, но лицо казалось старше из-за спокойствия. Не усталости, а именно спокойствия, которое редко встречается у людей, привыкших

жить среди машин.

— Это грамматика церковнославянского языка.

— Думаете, пригодится?

— После аудиофрагмента? Не исключаю.

— Там был русский.

— Там был не совсем русский.

— А что?

Лев закрыл книгу пальцем, чтобы не потерять страницу.

— Представьте язык, который сохранил форму, но потерял время. Будто человек говорит современными словами, но мыслит синтаксисом из другого века. И не просто стилизует речь, а живёт внутри старой конструкции мира.

— Вы это по одной фразе поняли?

— Нет. По паузам.

Артём решил, что лингвисты опаснее гравиметристов. Те хотя бы признавали, когда данных мало.

Первые недели полёта прошли штатно.

Дальний космос никогда не был похож на кино. Он не был ни красивым, ни драматичным. Большую часть времени он был работой. Проверки, протоколы, сон по сменам, расчёты, микроскопические отклонения в системах, разговоры ни о чём, чтобы мозг не начинал разговаривать сам с собой. За пределами корабля не происходило почти ничего, и именно это «почти» постепенно давило сильнее любой опасности.

Пустота не пугала сразу. Она убеждала.

Каждый день она повторяла человеку: тебя здесь быть не

должно. Ты — ошибка температуры, влажности, дыхания. Ты маленький мешок воды, окружённый договорённостями металла и полей. Сними один слой — и тебя не станет.

На двадцать третий день Евгения первой заметила движение.

— Капитан, у нас объект на левом дальнем контуре.

Артём был в командном отсеке. На обзорном экране пространство выглядело обычным: звёзды, несколько навигационных маркеров, тусклая линия трассы. Потом система выделила объект.

Он двигался рядом с кораблём.

Не приближался. Не удалялся. Просто шёл параллельно, как если бы тоже знал маршрут.

— Размер? — спросил Артём.

— Нестабильный, — сказала Евгения.

— Что значит нестабильный?

— Значит, система не понимает, где он заканчивается.

Мирон, вызванный с нижней палубы, встал рядом и вывел данные на отдельное поле.

— Масса почти нулевая. Или она экранирована. Или... — он замолчал.

— Или?

— Или это не находится полностью в нашем пространстве.

Объект приблизился к границе визуального распознавания.

Сначала Артёму показалось, что это лента. Длинная, тёмная, гибкая. Потом лента изогнулась, и он увидел голову.

Морда была вытянутая, хищная, с множеством тонких зубов, которые отражали свет звёзд, хотя никакого света там почти не было. Тело тянулось за ней метра на тридцать, может больше, но контур дрожал, расплывался, пропадал и возникал снова. Существо двигалось в вакууме мягко и естественно. Не толчками. Не по инерции. Оно плыло.

Как дельфин.

Только океаном был космос.

— Это зонд? — спросил Павел, хотя сам понимал нелепость вопроса.

— Нет, — сказала Самира. В её голосе не было страха. Был восторг, который пугал сильнее страха. — Это живое.

— В вакууме?

— Может быть, вакуум — это не то, что мы думаем.

Существо повернуло голову к кораблю.

На мгновение всем показалось, что оно смотрит прямо на них. Хотя глаз видно не было. Только углубления по бокам морды, тёмные, глубокие, как провалы в камне.

Потом рядом с первым возникло второе.

И третье.

Через минуту их было уже семь. Они двигались вокруг «Сирина» широкой дугой, не нарушая дистанции. Один прошёл под корпусом, и датчики на секунду потеряли синхронизацию. Другой поднялся над носом корабля, выгнулся и

исчез, будто нырнул в слой пространства, которого человек не видел.

— Они нас сопровождают, — тихо сказал Лев.

— Или изучают, — сказал Мирон.

— Нет, — ответила Самира. — Посмотрите на траектории. Им не интересно. Мы для них... просто что-то рядом.

Артём понял, что она права. В существах не было агрессии. Не было даже любопытства в человеческом смысле. Они действительно напоминали стаю животных, случайно встретившую лодку в открытом море. Несколько минут они шли рядом, потом один за другим стали уходить. Не ускоряясь, не исчезая резко. Просто перестали быть частью их пути.

Последнее существо задержалось.

Оно подплыло ближе остальных. Настолько близко, что обзорный экран заполнила его морда. Тонкие зубы. Полупрозрачная кожа, под которой двигались слабые серебристые линии. На нижней челюсти — длинный шрам или естественная складка, похожая на улыбку.

В командном отсеке никто не дышал.

Существо открыло пасть.

Звука не было. В вакууме не могло быть звука. Но на внутренней связи прошёл низкий, тянущийся тон. Не сигнал. Не помеха. Почти голос.

Потом оно ушло.

Когда датчики снова стали чистыми, Евгения сняла наушник и сказала:

— Ну что, теперь космос официально мерзкий.

Никто не засмеялся.

В тот вечер Артём долго не мог уснуть. Он лежал в узкой капсуле, слушал тихую работу вентиляции и думал о том, что человечество назвало космос пустотой просто потому, что не умело видеть тех, кто живёт иначе.

Перед сном он достал из кармана маленький красный стабилизатор от игрушечной ракеты.

Посмотрел на него.

И впервые за много лет захотел повернуть корабль обратно.

3. Мнема

[МЕСТО ДЛЯ ПОЛОСНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ]

Промпт: *Серая равнина спутника, чёрное небо, огромная бледная планета над горизонтом. Из камня, не до конца освободившись от него, выросло старое трёхэтажное здание больницы с высокими узкими окнами; двери распахнуты, изнутри на серую пыль падает тёплый жёлтый свет. Четыре фигуры в скафандрах у ступеней. Стиль серии: монохромная карандашная графика с мягкой светотенью, реализм с лёгким сюрреалистическим сдвигом, без текста и надписей в кадре, полосная книжная иллюстрация 145×215.*

Мнема появилась на сорок девятый день полёта.

Сперва — как точка. Потом — как неровный тёмный шар рядом с Эвридикой. Планета висела за ним огромной бледной дугой, и вся система действительно казалась больной: спутник то приближался к планете, то отходил, но не по простой эллиптической логике, а рывками, с паузами, с почти органическим ритмом. Словно невидимая рука тянула его за нитку, а другая рука удерживала.

Мирон сутками не выходил из гравиметрического отсека.

— Он невозможен, — говорил он всё чаще. — Не в смысле «редкий». В смысле — данные противоречат друг другу.

— Конкретнее, — требовал Артём.

— По внешней динамике это тело массой около одной целой семи десятых лунной. По приливному отклику — меньше одной десятой. По локальным возмущениям — внутри есть пустоты. Большие. Но при этом момент инерции не сходится. Такое ощущение, что спутник не является одним объектом.

— А чем?

Мирон потёр глаза.

— Системой объектов, наложенных друг на друга.

Артём не любил такие формулировки. Они обычно означали, что наука ещё не успела придумать честное слово для ужаса.

В тот же вечер за ужином его нашёл Лев.

— Капитан, вы не знаете, кто давал спутнику имя?

— Каталогизаторы. Лет сорок назад, при первичной описи системы. А что?

— Мнема. — Лев отодвинул тарелку. — От Мнемозины. Память. Орфей, Эвридика — понятно: красивая античная серия, картографы любят серии. Но Мнема... Станный выбор для мёртвого камня. Будто имя дали раньше, чем узнали зачем.

— Совпадение.

— Возможно, — сказал Лев. И по тому, как он это произнёс, было ясно: слово «совпадение» лингвист считает самым ненадёжным словом в языке.

На орбиту Мнемы они вышли медленно, с двойной страховкой. Автоматический спускаемый модуль отправили первым. Он передавал изображение поверхности: пыль, камни, трещины, кратеры. Никаких признаков жизни. Никаких строений. Никакой больницы.

— Может, зонд ошибся, — сказал Павел.

Лев посмотрел на него.

— Зонд передал голос.

— Может, голос был помехой.

— Помехи редко просят приготовить приёмный покой.

Место посадки выбрали на границе области, где приборы фиксировали самые сильные несоответствия. Равнина между двумя старыми кратерами. По данным визуального скани-

рования — пустая. По данным гравиметрии — под ней находилась полость. По данным теплового анализа — там было чуть теплее, чем должно быть.

«Сирин» остался на орбите. На поверхность спустился малый модуль.

Артём, Мирон, Самира и Павел пошли первыми. Евгения осталась на модуле, Лев — на связи, хотя спорил до последнего. Артём не хотел брать лингвиста в первый выход. Не потому, что не доверял ему, а потому, что если на Мнеме действительно кто-то говорил, лучше было сначала понять, стреляет ли он.

Поверхность встретила их тишиной.

Не той тишиной, к которой привыкаешь в скафандре, где всегда есть дыхание, пульс, шорох систем. А какой-то второй тишиной, находящейся за первой. Мёртвой и внимательной.

Они шли по серой пыли. Следы оставались слишком чёткими. Каждый шаг поднимал мелкие частицы, и они медленно опускались обратно, будто не хотели покидать поверхность.

— Температура стабильна, — сказала Самира. — Радиация в норме. Органики нет.

— Гравитация? — спросил Артём.

— Локально выше расчётной, — ответил Мирон. — И растёт.

— Нас тянет вниз?

— Нет. Нас как будто... признают.

— Плохой глагол.

— Другого пока нет.

Через четыреста метров равнина закончилась. Перед ними открылся спуск в неглубокую впадину. На дне её лежала тень. Слишком ровная.

Павел первым направил туда прожектор.

Луч скользнул по камню, по пыли, по краю трещины — и остановился на стене.

Стена была не природной.

Она поднималась из поверхности Мнемы, будто здание выросло изнутри спутника и не до конца освободилось от камня. Серый фасад, высокие узкие окна, широкие ступени, частично занесённые пылью. Никаких куполов, антенн, шлюзов, посадочных платформ. Архитектура была нелепо земной. Даже не современной — старой. В ней было что-то от санаториев прошлого века, от больничных корпусов, от административных зданий, построенных людьми, которые верили, что порядок можно выразить прямыми линиями.

— Вы это видите? — спросила Евгения с модуля.

— Да, — ответил Артём.

— На сканере там пусто.

— На глазах не пусто.

Лев включился в канал:

— Капитан, опишите здание.

— Большой корпус. Три этажа, может четыре. Окна. Вход.

Похоже на больницу.

На связи повисла пауза.

— Лев?

— Я здесь.

— Что?

— Ничего. Просто в аудиофрагменте был «приёмный по-кой».

Павел подошёл ближе к ступеням и провёл рукой над поверхностью.

— Материал не определяется. Система видит реголит. Рука видит бетон. Очень смешно.

— Не трогать без команды, — сказал Артём.

Но команда уже была не нужна. Двери открылись сами.

Не разошлись в стороны. Не поднялись. Обычные тяжёлые двери с мутными стеклянными вставками медленно раскрылись внутрь. Из здания вышел свет.

Жёлтый, тёплый.

И воздух.

Они увидели, как у порога заколебалась тонкая пыль. Скафандры тут же подтвердили: за дверью была атмосфера. Давление почти земное. Кислород. Влажность.

— Это невозможно, — сказал Павел.

Мирон неожиданно рассмеялся. Коротко, без радости.

— Сегодня это слово уже ничего не стоит.

Артём стоял перед открытой дверью и чувствовал, как все протоколы внутри него сталкиваются и ломаются. Нель-

зя входить в неизвестную атмосферную среду. Нельзя доверять объекту, который приборы не видят. Нельзя продолжать миссию, когда сама реальность демонстрирует признаки несогласованности.

Но задание было не «вернуться при первой невозможности».

Задание было понять.

— Мы входим до первого внутреннего узла, — сказал он.
— Пять минут. Без снятия шлемов. Павел, метки. Мирон, непрерывная запись. Самаира, биология. Любое отклонение — назад.

— Принято, — сказала Самаира.

— Принято, — сказал Мирон.

Павел ничего не сказал, но включил маркирующие маяки.

Они поднялись по ступеням.

На пороге Артём остановился. Он ожидал сопротивления — поля, барьера, скачка давления. Но ничего не произошло. Он просто вошёл.

Внутри пахло больницей.

Не стерильностью — стерильность не пахнет. Пахло хлоркой, тёплой пылью, старой краской, лекарствами, мокрой тканью. Запах был настолько конкретным, настолько земным, что Артём на секунду потерял равновесие. Он вспомнил детство: коридор районной поликлиники, мать держит его за руку, где-то плачет ребёнок, из кабинета выходит медсестра и зовёт следующего.

— Капитан? — голос Самира вернул его.

— Нормально.

Они стояли в широком холле. Пол — серый линолеум. Стены — светло-зелёные до половины, выше белые. Потолок высокий, с прямоугольными лампами дневного света. На стене висела доска объявлений. Бумажные листы под стеклом. Один был пожелтевший, другой новый.

Павел подошёл ближе.

— Текст есть.

— Читать можешь?

— Нет. Похоже на русский, но...

— Лев, получаешь изображение?

— Получаю, — ответил лингвист. Его голос изменился.

— Это русский. Но орфография странная. И часть слов... не из нашего периода.

— Что написано?

Лев помолчал.

— «Отделение восстановления причинности. Приём первичных носителей с девяти до семнадцати. Самовольный выход за пределы назначенного коридора воспрещается».

— Отлично, — сказала Самира. — Мы в больнице для причинности.

Из глубины коридора донёсся звук шагов.

Медленных. Уверенных.

Артём поднял руку, останавливая остальных. На экране шлема появились отметки оружейных систем, но стрелять

здесь казалось почти неприличным. Как кричать в храме. Или в морге.

Из-за угла вышла женщина в белом халате.

Она была человеком. По крайней мере, выглядела так. Лет пятидесяти. Светлые волосы убраны под медицинскую шапочку. Лицо спокойное, усталое, приветливое. На груди — прямоугольный бейдж, но буквы расплывались, не желая складываться.

Она остановилась в пяти метрах от них.

— Вы прибыли раньше расчёта, — сказала она.

Её голос был тем самым голосом из записи. Не полностью, но интонация совпадала.

Артём направил на неё внешний динамик.

— Кто вы?

Женщина чуть наклонила голову.

— Дежурный врач.

— Назовите себя.

— Врач достаточно.

— Где мы?

— В месте, где вас смогут подготовить.

— К чему?

Она улыбнулась. Не зло. С жалостью.

— К возвращению.

Сзади что-то щёлкнуло.

Артём успел обернуться, но поздно. Двери закрывались.

Павел бросился к ним, но коридор вдруг вытянулся, стал

длиннее, чем был, и расстояние до выхода увеличилось сразу на десятки метров.

— Назад! — крикнул Артём.

Свет мигнул.

На секунду он увидел не больничный холл, а огромное внутреннее пространство спутника: слои стен, коридоры, пустоты, лестницы, тела механизмов или органов, уходящие вниз на километры. И среди них — людей в белых халатах, очень много, стоящих неподвижно и смотрящих вверх.

Потом свет вернулся.

Женщина была ближе.

— Не тревожьтесь, — сказала она. — Первичный носитель должен сохранить волю. Иначе перенос невозможен.

Артём поднял оружие.

— Ещё шаг — стреляю.

— Вы уже сделали шаг, капитан Северин.

Он почувствовал укол в шею.

Нелепо. Через скафандр. Через защиту. Через все слои.

Мир накренился.

Он услышал, как Самира закричала. Как Павел выругался. Как Мирон начал считать что-то вслух, будто числа могли удержать реальность.

Последнее, что увидел Артём перед темнотой, была женщина в белом халате.

Она склонилась над ним и сказала почти ласково:— Не бойтесь. Бомба должна спать внутри живого человека.

4. Приёмный покой

[МЕСТО ДЛЯ ПОЛОСНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ]

Промпт: *Больничная палата: койка с мягкими ремнями, капельница, датчики; в кресле у мутного окна — старый худой врач с бумажной папкой, за стеклом колышется жёлтый свет. На потолке трещина, похожая на реку на карте. Стиль серии: монохромная карандашная графика с мягкой светотенью, реализм с лёгким сюрреалистическим сдвигом, без текста и надписей в кадре, полосная книжная иллюстрация 145×215.*

Он очнулся от звука капельницы.

Кап.

Кап.

Кап.

Этот звук был ужаснее любой сирены. Сирена сообщает, что опасность снаружи. Капельница сообщает, что твоё тело уже включили в чужую систему.

Артём открыл глаза.

Потолок. Белый. Неровный. Лампа дневного света. Трещина в штукатурке, похожая на реку на карте.

Он лежал на больничной койке.

Не в скафандре. Не в форме. На нём была тонкая серая рубашка. Руки пристёгнуты мягкими ремнями. В левую вену входила игла. На груди — датчики. Рядом стоял аппарат, похожий на медицинский монитор из музея, только экран у него был не плоский, а глубинный, с тёмными слоями данных внутри.

Он попытался подняться. Тело не послушалось.

Мысли двигались тяжело, как предметы под водой.

— Проснулся, — сказал чей-то голос.

Артём повернул голову.

В кресле у окна сидел мужчина. Старый, худой, в белом халате. Окна за ним не было видно — только мутное стекло, за которым колыхался жёлтый свет. Мужчина держал в руках

папку с бумажными листами.

— Где мой экипаж? — спросил Артём.

Голос оказался хриплым, чужим.

— Живы.

— Где?

— В других палатах.

— Что вы с нами сделали?

Старик вздохнул, словно вопрос был утомительным.

— С вами — самое важное.

Артём снова попытался дёрнуться. Ремни держали мягко, но абсолютно.

— Освободите меня.

— Нельзя.

— Я офицер Объединённого флота. Вы совершили нападение на экспедицию.

— Нет, капитан. Мы совершили приём.

Старик открыл папку. Бумага зашуршала.

— Давление стабилизировалось. Проводимость тканей в пределах. Психическая целостность сохранена. Это хорошо. Мы боялись, что современный человек окажется хрупким.

— Современный?

Старик посмотрел на него поверх листов.

— Для нас вы современный.

— А вы кто?

— Остаточные.

— Это не ответ.

— Это самый точный ответ.

Дверь палаты открылась. Вошла та самая женщина-врач. В руках у неё был металлический поднос. На подносе — шприц, несколько ампул, тонкий инструмент, похожий на серебряную вилку.

Артём заставил себя дышать ровно.

— Я хочу видеть экипаж.

— Позже, — сказала женщина.

— Сейчас.

— Капитан, — мягко произнёс старик, — вы ещё не поняли своего положения. Ваши требования не имеют веса. Но ваша воля имеет ценность. Не тратьте её на формы.

— Что внутри меня?

Они переглянулись.

Значит, он угадал. Или услышал перед отключением и теперь память возвращалась кусками.

Женщина поставила поднос рядом.

— Внутри вас — направленный гравитационный заряд.

— Бомба.

— Это грубое слово.

— Внутри меня бомба?

— Да.

Мир не изменился. Потолок остался потолком. Капельница продолжала капать. Где-то в коридоре прошли шаги. Но с этого момента тело Артёма перестало быть его телом. Оно стало контейнером. Упаковкой. Средством доставки.

Он закрыл глаза.

— Зачем?

Старик сложил листы.

— Чтобы разрушить планету-источник.

— Какую планету?

— Ту, что держит вашу систему.

— Землю?

— Вы называете её так.

Артём открыл глаза.

Страх пришёл не сразу. Сначала пришло несогласие. Мозг отказался принимать фразу целиком. Земля была слишком большой, слишком реальной, слишком полной частных вещей: кухня, яблоки, Яшин пластиковый стабилизатор, Лерины пальцы, когда она режет хлеб, утренний свет на стене. Слово «уничтожить» не могло стоять рядом с этим.

— Вы безумны, — сказал он.

Женщина не обиделась.

— Нет. Безумие — продолжать вращаться вокруг источника, который питается всеми ветвями.

— Какими ветвями?

Старик поднялся и подошёл ближе. Его движения были медленными, но в них не было старческой слабости. Скорее экономия.

— Вы думаете, что живёте в мире, капитан. В одном мире. С одной историей. С одной причинностью. Это естественная иллюзия для существа, находящегося внутри потока. Но по-

токов много. Их было много с самого начала. Они расходились, ветвились, умирали, соединялись. Некоторые становились сильными. Некоторые — тонкими. Некоторые — паразитическими.

— И Земля?

— Источник. Узел. Корень, который удерживает приоритет вашей линии.

— Это бред.

— Для пациента почти вся анатомия звучит как бред, пока ему не покажут снимок.

Женщина коснулась монитора. Воздух над кроватью потемнел. В нём возникла схема.

Артём видел планеты. Орбиты. Но это была не обычная карта. Земля находилась в центре не как астрономическое тело, а как математический узел. От неё расходились тонкие линии. Они шли к Луне, Марсу, дальним станциям, Эвридике, Мнеме — и дальше, в темноту, где пространство становилось многослойным. Некоторые линии светились ровно. Другие дрожали. Третьи были оборваны.

— Ваша цивилизация научилась трогать гравитацию, — сказал старик. — Но вы тронули не силу. Вы тронули швы.

— Швы чего?

— Согласованного мира.

Схема изменилась. Земной узел стал ярче. Вокруг него появились тени других узлов, похожих на Землю, но не совпадающих с ней.

— Когда вы сдвинули Эвридику, вы ослабили локальную фиксацию. Мнема вспомнила другие положения. Другие функции. Других хозяев.

— Вы жили на Мнеме?

— Мы лечились на Мнеме.

Женщина подошла к капельнице и проверила поток.

— Это был карантинный спутник, — сказала она. — Прият для линий, утративших право на устойчивость.

— Кто лишил вас этого права?

Она посмотрела на него. В её взгляде впервые появилась не жалость, а усталость, настолько глубокая, что Артём почти почувствовал её физически.

— Источник.

Он хотел спросить ещё, но дверь снова открылась.

В палату вошёл Лев Нор.

Он был бледен, на виске — засохшая кровь. На нём тоже была больничная рубашка, но руки не связаны. Сзади стояли двое санитаров в белом.

— Лев, — выдохнул Артём.

Лингвист посмотрел на него. В глазах у него было что-то сломанное.

— Я перевёл часть их документов, — сказал Лев.

— Зачем ты им помогаешь?

— Потому что они дали читать.

— Лев.

— Капитан, их язык... Он не просто старый. Он из ветви,

где русский развивался иначе. Там не было некоторых реформ, не было части катастроф, были другие империи, другая медицина, другая космология. Но корень общий. Они не инопланетяне.

— Это люди?

Лев кивнул.

— Да.

Старик мягко поправил:

— Почти.

— Что значит почти? — спросил Артём.

Лев опустил глаза.

— Они люди, которых вычеркнули.

— Кем?

Лев посмотрел на старика, потом снова на Артёма.

— Ими. Нами. Миром. Не знаю.

Старик явно наслаждался точностью этого незнания.

— Скажите ему, переводчик.

Лев сжал губы.

— Они считают, что наша линия истории стала доминирующей не потому, что была правильной, а потому, что источник удерживал её ценой разрушения других вероятностей. Когда человечество начало управлять гравитационными волнами, оно случайно открыло доступ к местам, где эти вероятности не исчезли полностью. Мнема — одно из таких мест. Не спутник, а... остаточный карман.

— И они хотят уничтожить Землю, потому что считают

нас тюремщиками?

— Не Землю как людей. Землю как фиксатор.

— То есть убить миллиарды, чтобы освободить призраков?

Женщина-врач тихо сказала:

— Вы называете нас призраками, потому что выиграли.

Артём повернул голову к ней.

— Вы говорите это так, будто у вас есть моральное право.

— Моральное право? — Она почти улыбнулась. — Мы перестали существовать в тот день, когда ваш источник выбрал себя. Наши дети родились в коридорах, где окна показывали небо, которого не было. Наши старики умирали, слыша гул чужой истории за стенами. Мы столетиями жили как побочный эффект вашей устойчивости. Неужели вы думаете, что мораль принадлежит только тем, кто сумел остаться плотным?

В палате стало тихо.

Артём вдруг понял самое страшное. Они не ненавидели его. Не ненавидели Землю. Ненависть была бы проще. Ненависть можно было бы презирать, с ней можно было бы бороться.

В них была холодная убеждённость людей, которые давно завершили спор с собой.

Они считали уничтожение Земли не мезтью. Они считали его операцией.

— Почему я? — спросил Артём.

Старик ответил:

— Потому что вы можете вернуться к источнику. Потому что ваша линия примет вас обратно. Потому что вы живой, устойчивый, связанный любовью, памятью и долгом. Заряд должен пройти не через машину. Машину источник отвергнет. Через человека — нет.

— Вы думаете, я позволю?

— Нет, — сказала женщина. — Мы думаем, что вы будете сопротивляться. Поэтому вы и подходите.

— Логика нет.

— Есть. Заряд должен сохранить направление внутри воли. Пустой носитель распадается. Сломанный носитель теряет адрес. Покорный носитель вызывает отторжение. Нужен человек, который будет идти домой изо всех сил.

Артём закрыл глаза.

Он увидел кухню. Леру. Яшу. Яблоко. Красный стабилизатор.

И понял. Они не будут заставлять его уничтожать Землю. Они заставят его хотеть вернуться.

5. Люди из белых коридоров

Время в больнице не шло правильно.

Иногда Артёму казалось, что прошло несколько часов. Потом он видел на стене календарь, где дата менялась сразу на три дня. Иногда его будили для процедур, и между двумя уколами старик успевал постареть на неделю. Иногда за окном палаты появлялась поверхность Мнемы — серая равнина, чёрное небо, Эвридика над горизонтом. Иногда — сад.

Настоящий сад.

Берёзы, мокрая трава, деревянная скамейка, низкое небо. Он понимал, что это невозможно, но запах земли был таким точным, что сердце болело.

Однажды его вывели в коридор.

Ремни сняли, но двое санитаров шли рядом. Санитары были высокие, молчаливые, с лицами людей, которым давно запретили выражать личное. На их халатах не было пятен. На руках — перчатки. Артём попытался запомнить дорогу: палата, поворот, длинный коридор, лестница вниз, двойные двери, пост медсестры, ещё коридор. Но пространство сопротивлялось памяти. Один и тот же участок повторялся дважды, потом исчезал. На стене висели таблички:

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРЕНОСА ВИНЫ

ПАЛАТА ОТЛОЖЕННЫХ РЕШЕНИЙ

ДЕТСКИЙ КОРПУС НЕСОСТОЯВШИХСЯ

Мирон сидел в одной из комнат за столом, заваленным бумагами и приборами. Когда Артём увидел его через открытую дверь, тот поднял голову.

— Капитан!

Артём рванулся, но санитар положил руку ему на плечо. Не сильно. Этого оказалось достаточно.

— Мирон, ты цел?

— Да. Они заставляют меня считать.

— Что считать?

Мирон засмеялся, и смех его был плохим.

— Нас. Их. Разницу. Капитан, у них есть гравиметрия причинности. Понимаете? Они измеряют не массу, а право события оставаться событием.

Санитары повели Артёма дальше.

— Не слушайте его долго, — сказал один из них. — Математики быстро заражают отчаянием.

В другой комнате он увидел Самиру.

Она стояла перед большим стеклянным резервуаром. Внутри резервуара плавало одно из тех существ, которых они встретили в космосе. Только здесь оно было маленьким, может, детёнышем, свернувшимся в полупрозрачную спираль. Воды не было. Оно плавало в пустоте, заключённой в стекло.

— Самаира, — позвал Артём.

Она обернулась.

Её глаза сияли.

— Они называют их проходниками, — сказала она. — Или это приблизительный перевод. Они живут в межслойном пространстве. Не в вакууме. В том, что мы считаем вакуумом. Они чувствуют границы вероятностей, как рыбы чувствуют давление воды.

— С тобой всё нормально?

— Нет, — сказала она честно. — Но я ещё думаю.

— О чём?

Она подошла к стеклу и приложила ладонь к поверхности. Существо внутри медленно повернуло зубастую морду.

— Если они живые, Артём, значит, между мирами не пустота. Значит, мы всю жизнь называли отсутствием то, где кто-то рождался, охотился, искал пару, умирал.

— Это не важно сейчас.

Она посмотрела на него с неожиданной злостью.

— Это всегда важно. Даже когда нас используют.

Санитары повели его дальше.

Павла он нашёл сам.

Точнее, Павел нашёл его. На одном из поворотов свет мигнул, и боковая дверь открылась. За ней стоял инженер — в больничной рубашке, с металлической стойкой от капельницы в руке, которой он, судя по всему, так ни разу и не воспользовался.

— Капитан. — Павел посмотрел на санитаров. Санитары смотрели мимо, как смотрят вахтёры на человека с пропуском. — Идёмте. Быстро.

— Куда?

— Вниз. Я нашёл лестницу, которую забыли запереть.

Они пошли. Потом побежали — сами; никто не гнался. Санитары остались стоять в коридоре, и это было неправильно-но, и Павел сказал об этом первым, на бегу, не оборачиваясь.

— Заметили, капитан? Третья незапертая дверь за неделю. Я тут замки ломал — замки здесь не ломаются. Они открываются сами. Когда я иду в правильную сторону.

— Правильную для кого?

— Вот, — сказал Павел. — Единственный вопрос, который мне не нравится.

Коридор вытягивался перед ними, но Павел бросал на пол маленькие маяки, и пространство на долю секунды стабилизировалось вокруг каждого из них.

— Где выход? — спросил Артём.

— Его нет.

— Отличный план.

— План — найти место, где его забыли закрыть.

Они свернули в лестничный пролёт. Лестница шла вниз и вверх одновременно: если смотреть под ноги — вниз, если на стены — вверх. Артёма замутило. Павел ругался так грубо и так по-земному, что это почти возвращало надежду.

На третьем или тринадцатом пролёте они выскочили в широкий зал.

Зал был похож на операционную, только размером с вокзал. В центре стояла конструкция из колец, тонких стержней

и подвешенных кристаллических масс. Внутри конструкции висела тёмная сфера величиной с человеческую голову. Она не была чёрной. Скорее, она была отсутствием цвета, дырой в зрении. Вокруг неё пространство дрожало.

Артём почувствовал боль в груди.

Сфера ответила.

Не звуком. Узнаванием.

Павел заметил его реакцию.

— Это оно?

— Да.

— Они уже загрузили?

— Не знаю.

На дальнем конце зала появились люди в халатах.

Не санитары. Врачи. Десятки. Они шли спокойно, не ускоряясь.

Павел поднял стойку.

— Я, конечно, за науку, но можно я кого-нибудь убью?

— Нет, — сказал Артём.

— Почему?

— Потому что они этого ждут.

Он сам не знал, откуда это понял. Но понял ясно. Любая агрессия здесь становилась частью их протокола. Больница умела работать с сопротивлением. Она питалась им, как аппарат питается током.

Тёмная сфера в центре колец дрогнула. У Артёма перед глазами вспыхнула Земля: облака, океаны, ночные города,

огни вдоль берегов. Потом — лица. Лера. Яша. Не воспоминание, а связь. Как будто сфера потянулась к тому, что держало его в мире.

— Павел, — сказал Артём, — слушай внимательно. Если я не вернусь...

— Даже не начинай.

— Если не вернусь, передашь Даль: заряд реагирует на эмоциональную привязку. Они используют дом как навигационный маяк.

— Сам передашь.

Люди в халатах остановились.

Вперёд вышла женщина-врач.

— Капитан, вам нельзя быть здесь.

— Тогда зачем привели?

— Чтобы вы увидели достаточно. Не больше.

— Я не понесу вашу бомбу.

— Уже несёте.

Он посмотрел на свою грудь. Под рубашкой, чуть ниже сердца, кожа светилась слабым серым светом. Очень слабым. Почти незаметным.

Павел выругался шёпотом.

— Когда?

— Когда вы спали, — сказала врач. — Но не бойтесь. Она ещё не проснулась полностью.

— Что будет с моим экипажем?

— Их вернут.

— Ложь.

— Нет. Они не нужны источнику. Вы нужны.

— А если я убью себя?

Врач посмотрела на него почти с уважением.

— Мы предусмотрели.

— Всё предусмотреть нельзя.

— Разумеется. Поэтому мы и выбрали человека, а не механизм. Человек всегда содержит непредусмотренное. Но вы не убьёте себя сейчас.

— Почему?

— Потому что ещё надеетесь спасти их.

Артём ненавидел её за точность.

Свет снова мигнул. Зал исчез. Он падал.

Не вниз — сквозь.

На мгновение он увидел Мнему снаружи, как будто его сознание вылетело из больницы и поднялось над спутником. И тогда он понял: город был не на поверхности. Город был формой, в которую спутник превращался для них. Под корой Мнемы не было обычных полостей. Там были коридоры, вложенные в другие коридоры, больницы внутри больниц, этажи, которые принадлежали разным векам и разным историям. Миллионы палат. Миллионы людей? Или воспоминаний о людях.

А глубже всего находилось нечто вроде сердца.

Оно билось в ритме орбиты.

Расстояние между Мнемой и Эвридикой дышало потому,

что дышала больница.

Когда Артём снова открыл глаза, он был в своей палате. Руки пристёгнуты. Капельница капала.

Кап.

Кап.

Кап.

На стуле у окна сидела женщина-врач.

— Вы очень сильный, — сказала она.

— Пошла ты к чёрту.

Она кивнула, будто это была приемлемая медицинская реакция.

— Чёрт — один из ваших способов описать пограничных операторов. Не самый точный, но эмоционально насыщенный.

Он закрыл глаза.

— Я вас остановлю.

— Знаю.

— И всё равно продолжаете?

— Конечно. Пациент часто говорит, что не даст сделать разрез. Но опухоль от этого не становится частью тела.

Артём открыл глаза.

— Вы правда думаете, что Земля — опухоль?

Женщина долго молчала. Потом сказала:

— Нет. В этом и трудность.

Впервые в её голосе появилась трещина.

— Земля прекрасна, капитан. Мы видели её через ваши

сны. Снег. Детские руки. Моря. Сады. Ваши города ночью. Вашу музыку. Ваши книги. Вашу жену, когда она смеётся, хотя устала. Вашего сына, когда он делает вид, что уже взрослый. Источник не был бы источником, если бы не содержал красоту.

— Тогда почему?

— Потому что красота не оправдывает тюрьму.

Он отвернулся.

За мутным стеклом окна снова был сад. Берёзы шевелились под ветром, которого не могло быть.

— Вы ошибаетесь, — сказал он.

— Возможно.

— И всё равно готовы убить всех?

— Да.

И это «да» было самым страшным словом во всём разговоре.

6. Возвращение

Его вернули не так, как он ожидал.

Не было ритуала, не было обратного спуска, не было последнего объяснения. Однажды ночью, если это была ночь, в палату вошли трое врачей, отключили капельницу и помогли ему подняться. Тело слушалось плохо, но слушалось. Женщина-врач надела ему на плечи куртку от его формы. В кармане что-то кольнуло пальцы.

Красный стабилизатор.

Он сжал его так сильно, что край впился в ладонь.

— Мой экипаж, — сказал он.

— Вернутся отдельно.

— Я хочу их видеть.

— Нет.

Он повернулся к женщине.

— Вы боитесь, что они меня удержат?

— Нет. Мы боимся, что вы удержите их.

Его повели через коридоры.

На этот раз больница была почти пустой. Свет горел не везде. За некоторыми дверями слышались голоса. Детский смех. Кашель. Молитва. Где-то играла музыка, старая, трескучая, как из довоенного приёмника. На стене висели портреты людей, которых он не знал, но которые почему-то казались историческими.

У выхода стоял Лев.

Один. Без санитаров.

— Тебя отпускают? — спросил Артём.

— Нет.

— Почему?

Лев попытался улыбнуться.

— Я попросил остаться.

Артём не сразу понял.

— Что?

— Мне нужно закончить перевод.

— Лев, они уничтожат Землю.

— Возможно.

— Возможно?

Лингвист вздрогнул, будто его ударили.

— Я не на их стороне, капитан. Но если мы выживем, кто-то должен будет понять, что они такое. Если не выживем — тем более.

— Это безумие.

— Да.

Они стояли друг напротив друга в больничном коридоре на спутнике, который не должен был существовать таким образом, и говорили почти шёпотом, как в настоящей больнице, где за стенами спят больные.

— Передай, что я не предавал, — сказал Лев.

— Сам передашь.

— Нет. Не думаю.

Артём хотел схватить его, вытащить силой, но женщина-врач мягко произнесла:

— Время.

Лев протянул ему бумажный лист, сложенный вчетверо.

— Не открывай здесь.

— Что это?

— Слова. Иногда они работают дольше оружия.

Артём взял лист.

Потом его провели к дверям. Тем самым, через которые они вошли. За ними была поверхность Мнемы: чёрное небо, серый грунт, Эвридика над горизонтом.

Возле ступеней стояла Евгения в скафандре.

Живая.

Когда она увидела его, то бросилась вперёд, но остановилась, заметив врачей.

— Капитан?

— Где остальные?

— Мирон и Самира уже в модуле. Павла нет.

Артём повернулся к женщине.

— Где Павел?

— Он сделал выбор.

— Какой?

— Остался в техническом корпусе.

— Он мёртв?

— Нет.

— Это не ответ.

— Здесь смерть редко бывает ответом.

Артём шагнул к ней, но Евгения схватила его за руку.

— Капитан, надо уходить.

Женщина-врач стояла в дверях. Тёплый свет больницы падал на серую пыль Мнемы. На мгновение она показалась обычным усталым врачом, которая вышла проводить пациента до крыльца.

— Вы будете помнить не всё, — сказала она. — Но достаточно.

— Я не сделаю то, что вы хотите.

— Мы хотим не того, что вы сделаете, а того, кем вы являетесь.

— Это ничего не значит.

— Напротив. Это значит всё.

Двери закрылись.

Здание осталось стоять перед ними — серое, старое, невозможное. Потом Евгения моргнула.

— Капитан...

Артём посмотрел.

Здания не было.

Только склон кратера. Пыль. Камни. Следы их первого выхода, наполовину засыпанные.

— Идём, — сказал он.

Модуль взлетел через одиннадцать минут.

На орбите «Сирин» принял их автоматически. Корабль был цел, но внутренние системы показывали странные про-

валы времени. По журналу экспедиция отсутствовала на поверхности четыре часа двадцать минут. По биологическим показателям — почти девять дней. По субъективным воспоминаниям каждого — разное.

Мирон сидел в гравиметрическом отсеке и молчал.

На третьи сутки Артём зашёл к нему. Гравиметрист сидел перед выключенным экраном и вертел в руках ручной прибор — тот самый, который трижды проверял перед стартом.

— Врёт, — сказал Мирон вместо приветствия.

— Что?

— Всё. — Он положил гравиметр на стол бережно, как кладут уснувшее животное. — Понимаете, капитан, я двадцать лет верил, что масса — это честность мира. Всё может врать: люди, приборы, глаза. Масса — нет. Её нельзя уговорить и нельзя подкупить. А там... — он кивнул за переборку, назад, в сторону Мнемы, — там мне показали, что и у честности есть хозяева.

Он помолчал.

— У меня дочь на четвёртом курсе. Физфак. Я не знаю, что ей теперь говорить.

— Правду.

— Правду. — Мирон усмехнулся без улыбки. — Правда теперь величина с хозяевами, капитан. Я посчитал.

Самира заперлась в биологической лаборатории.

Евгения проверяла курс домой с таким ожесточением, будто могла пилотированием отменить всё произошедшее.

Павла и Льва на корабле не было.

Артём прошёл медицинское сканирование сам. Система ничего не нашла. Ни импланта, ни инородного тела, ни радиационного следа. Только в области груди фиксировалась слабая гравитационная аномалия, настолько малая, что автоматика классифицировала её как ошибку.

Он не сказал об этом сразу.

Сначала он открыл лист Льва.

На бумаге было написано несколько строк. Почерк неровный, торопливый.

«Они не могут пройти через источник сами. Им нужен носитель с двусторонней привязкой. Заряд просыпается не от места, а от совпадения: дом + любовь + разлом. Если увидишь их через трещины — не смотри долго. Они смотрят в ответ.

И главное: направление можно изменить только в момент узнавания. Не раньше. Не позже. Прости».

Артём перечитал трижды.

Потом сжёг лист в утилизаторе.

Через двое суток «Сирин» лёг на обратный курс.

Мнема оставалась позади. По мере удаления она снова стала просто точкой рядом с Эвридикой. Город не появлялся на снимках. Данные поверхности были чистыми. Ни атмосферы, ни строений, ни тепловых аномалий. Только гравитационное расхождение продолжало расти.

На пятые сутки обратного пути существа вернулись.

Их было больше, чем раньше. Длинные гибкие тела шли параллельно кораблю, появляясь и исчезая в слоях пространства. Они не нападали. Не мешали. Просто сопровождали.

Самира вышла в командный отсек и долго смотрела на них.

— Они знают, — сказала она.

— Что?

— Что мы везём.

Евгения обернулась.

— Они могут это остановить?

— Не думаю.

Одно из существ приблизилось к кораблю. Не то же самое, наверное, но Артёму показалось, что он узнал шрам на нижней челюсти. Оно плыло рядом, и в его движении была странная печаль.

— Может, они не сопровождают, — сказала Самира. — Может, провожают.

Никто не ответил.

В ту ночь Артём нашёл Евгению в командном отсеке — не по делу: её смена кончилась два часа назад, а она сидела в кресле пилота, держа руки на неактивных панелях, как держат руки на столе, когда не знают, куда их деть.

— Не спится?

— Я считаю, — сказала она, не оборачиваясь. — Восемьсот шестьдесят два часа до дома. Я всегда считаю на обрат-

ном пути. Только раньше считала до встречи, а теперь не знаю, до чего. — Она убрала руки с панелей. — У меня мать в хосписе под Рязанью, капитан. Врачи перед вылетом сказали: полгода — это оптимистично. Я взяла этот рейс, потому что за него дают внеочередной отпуск.

Она наконец обернулась.

— Знаете, что я поняла в этой их больнице? Я всё время думала: только не здесь. Не потому что умереть боялась. Потому что там я бы не узнала — успела или нет. Есть вещи страшнее смерти, капитан. Не узнать — страшнее.

Артём не нашёл, что ответить, и она кивнула, как будто это и был правильный ответ.

Путь домой стал длиннее, чем путь туда.

Не по времени. По весу.

Артём почти не спал. Когда засыпал, видел больницу. Коридоры. Женщину-врача. Павла в техническом корпусе, который тянется бесконечно вниз. Льва за столом, покрытым бумагами, где слова одной истории пытаются объяснить другую. Иногда он видел Землю издалека, и из неё тянулись тонкие светящиеся нити, уходящие в темноту. На нитях висели города, лица, нерождённые дети, несказанные фразы, книги, которые никто не написал, войны, которые не случились, песни, которые не были спеты.

Иногда он просыпался от боли в груди.

Слабой. Почти нежной.

Будто внутри него спало маленькое тяжёлое сердце.

За сутки до входа в земную систему профессор Даль вышла на защищённую связь.

Её лицо на экране было старше, чем при их последней встрече.

— Капитан, мы получили часть телеметрии. Где Нор и Руденко?

— Остались.

— По своей воле?

Артём посмотрел на неё.

— Не знаю, что значит воля в таком месте.

Даль закрыла глаза на секунду.

— Ваше состояние?

— На борту трое членов экипажа в рабочем состоянии. У всех признаки когнитивного воздействия. У меня — гравитационная аномалия в грудной области.

Профессор не изменилась в лице. Только пальцы её, лежавшие на столе, сжались.

— Вы уверены?

— Да.

— Можете передать параметры?

— Уже передаю.

Пауза длилась долго. Видимо, на Земле данные проходили через системы. Потом Даль сказала:

— Капитан, по протоколу вы не должны входить в атмосферу.

— Знаю.

— Мы подготовим карантинную орбиту.

— Нет.

Она посмотрела резко.

— Что значит нет?

— Если они правы, заряду нужен дом. Если я останусь на орбите, они найдут другой способ. Или он проснётся там. Над Землёй.

— Вы предлагаете пустить потенциальный гравитационный заряд на планету?

— Я предлагаю понять, когда он активизируется.

— Это недопустимо.

— А вы допустили изменение орбиты Эвридики.

Даль молчала.

Это был жестокий удар, и Артём знал это. Но времени на мягкость не было.

— Профессор, они используют не координаты. Они используют привязку. Дом. Любовь. Разлом. Мне нужно быть там, где эта привязка максимальна. Иначе мы не поймём момент.

— Вы можете погибнуть.

— Я уже ношу внутри себя бомбу, которая должна уничтожить Землю. Это не самая убедительная угроза.

Даль долго смотрела на него.

— Что вам нужно?

— Вернуться домой.

— К семье?

— Да.

— Это может быть именно тем, чего они хотят.

— Я знаю.

— И всё равно?

Артём сжал в кармане красный стабилизатор.

— Именно поэтому.

Даль молчала так долго, что он решил: связь прервалась.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я подпишу. Но

знайте одно, капитан. Сорок лет назад я подписала «Орфей»

— и до сих пор считала это самой тяжёлой подписью своей жизни. Вы только что отняли у неё первое место.

И добавила — уже не начальственно, устало, по-человечески:

— Возвращайтесь, Артём. Оба раза.

7. Дом

[МЕСТО ДЛЯ ПОЛОСНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ]

Промпт: *Вечерняя кухня обычной квартиры: мужчина, женщина и мальчик за ужином; на полу недостроенная модель ракеты. В тёмном окне за спиной мужчины едва угадывается отражение больничного коридора, которого нет в комнате. Стиль серии: монохромная карандашная графика с мягкой светотенью, реализм с лёгким сюрреалистическим сдвигом, без текста и надписей в кадре, полосная книжная иллюстрация 145×215.*

Они вернулись на Землю тихо.

Официально экспедиция к Мнеме завершилась аварийной эвакуацией с неполными данными. Павел Руденко и Лев Нор числились пропавшими без вести. Информация о контакте с объектом была засекречена на высшем уровне. Мнема в новостях стала «аномальным спутником, требующим дальнейшего изучения». Про больницу не сказали ничего.

Артёма не должны были отпускать домой.

Но Даль нарушила собственные протоколы.

Вернее, она создала новый. Вокруг дома Северина развернули скрытое поле наблюдения. В соседних квартирах поселились специалисты. На крыше стояли гравиметрические датчики. В стенах подъезда появились сенсоры, которые маскировались под элементы ремонта. Сам Артём носил под одеждой тонкий пояс мониторинга. В груди аномалия оставалась слабой.

Спящей.

Он вошёл в квартиру вечером.

Лера открыла дверь и сначала не сказала ничего. Просто смотрела. Потом ударила его ладонью по груди — не сильно, но именно туда, где спал заряд.

Он едва не вскрикнул.

Она заметила.

— Ты ранен?

— Нет.

— Не ври.

— Не могу рассказать всё.

— Никогда не можешь.

— В этот раз правда не могу.

Она отступила, давая ему войти.

Квартира пахла домом. Деревом, книгами, детским пластиком, чем-то печёным. Из комнаты выбежал Яша. Он бросился к Артёму, врезался в него всем телом, обнял за пояс.

— Ты вернулся!

Артём опустился на колени и прижал сына к себе.

В груди стало тепло. Не больно. Тепло.

Где-то далеко, в невидимом слое реальности, что-то ответило.

Артём замер.

— Пап?

— Всё хорошо.

Но он уже знал: заряд слышит.

Первые дни были почти обычными.

Именно это было невыносимо.

Он завтракал с семьёй. Отвечал на вопросы Яши о космосе, выбирая безопасные слова. Помогал Лере чинить дверцу кухонного шкафа. Выносил мусор. Спал рядом с женой и просыпался от каждого её движения. Иногда она клала руку ему на грудь, и он чувствовал, как под её ладонью что-то внутри него становится тяжелее.

Он начал замечать мелкие несоответствия.

Сначала — в отражениях.

Однажды утром он чистил зубы и увидел в зеркале коридор больницы за своей спиной. Светло-зелёная стена, лампа, край двери. Он резко обернулся. За спиной была ванная. Полотенце. Стиральная машина.

Потом — звук.

Кап.

Кап.

Кап.

Он просыпался ночью и слышал капельницу. Шёл на кухню — кран был закрыт. Батареи сухие. В тишине квартиры звук продолжался ещё несколько секунд и исчезал.

Потом — люди.

Он увидел первого на детской площадке.

Яша катался с горки. Лера разговаривала с соседкой. Артём стоял у ограды и смотрел на деревья. Между двумя ветками воздух вдруг стал тоньше, словно кто-то растянул прозрачную плёнку. В плёнке появилась трещина.

По ту сторону стоял санитар.

Белый халат. Перчатки. Лицо неподвижное.

Он смотрел на Артёма.

Трещина закрылась.

Артём успел сделать только один вдох.

Вечером он сообщил Даль.

— Не смотрите в разломы долго, — сказала она.

— Это я уже слышал.

— От кого?

— От Льва.

Профессор замолчала.

— Капитан, активность аномалии выросла на восемь процентов. Разломы могут быть не внешним наблюдением, а частью процесса наведения.

— Они ждут?

— Возможно.

— Чего?

— Совпадения условий.

Дом. Любовь. Разлом.

Артём не сказал этого вслух.

С каждым днём трещины становились чаще.

Иногда они были тонкими, как волос, и появлялись на долю секунды в углу комнаты. Иногда — широкими, с ладонь, и через них был виден фрагмент больничного коридора. Однажды в разломе он увидел Льва. Тот сидел за столом, писал, поднял голову и будто заметил Артёма. Губы его шевельнулись.

Не сейчас. Или: Не смотри.

Трещина исчезла.

В другой раз он увидел Павла.

Технический корпус. Трубы. Гравитационные кольца. Павел был в грязном халате, с бородой, хотя прошло всего несколько недель. Он что-то выкручивал из стены. Рядом ле-

жали двое санитаров. Павел поднял взгляд, увидел Артёма и улыбнулся так, будто всё происходящее было одной большой инженерной неприятностью, которую всё ещё можно решить при помощи мата и отвёртки.

Потом разлом закрылся.

Артём не знал, были ли они живы на самом деле или больница показывала ему то, что удержит его волю в нужной форме. В этом и была главная пытка: невозможно доверять даже надежде.

Лера чувствовала, что происходит что-то страшное.

Однажды ночью она сказала:

— Ты не вернулся.

Он лежал рядом, глядя в потолок.

— Я здесь.

— Нет. Ты принёс что-то с собой.

Он не ответил.

Она повернулась к нему.

— Это опасно для нас?

Молчание стало ответом.

Лера села на кровати. Лунный свет падал на её лицо, делая его почти чужим.

— Почему ты пришёл домой?

Этот вопрос он боялся услышать больше всех.

— Потому что иначе не смог бы остановить.

— Что остановить?

Он закрыл глаза.

— Если я скажу, ты станешь частью этого.

— Я уже часть. Я твоя жена.

В груди снова стало тепло. Слишком тепло.

На стене напротив кровати появилась трещина.

Тонкая, вертикальная.

Артём резко сел.

— Не смотри туда.

Лера обернулась.

— Куда?

Разлом расширился. По ту сторону был приёмный покой.

Женщина-врач стояла у стеклянной двери. Рядом — старик с папкой. За ними — десятки людей в белых халатах.

Лера не закричала. Только вцепилась в простыню.

— Что это?

Артём почувствовал, как заряд в груди просыпается.

Не болью. Узнаванием.

Дом. Любовь. Разлом.

Женщина-врач подняла руку и приложила ладонь к невидимой границе.

— Капитан, — сказала она.

Её голос прозвучал прямо в комнате.

Лера побледнела.

— Артём...

Он схватил её за плечи и повернул к себе.

— Смотри на меня. Не туда. На меня.

— Что происходит?

— Я люблю тебя.

— Что?

— Просто слушай. Я люблю тебя. И Яшу. Что бы сейчас ни случилось, ты должна вывести его из комнаты и не оглядываться.

Разлом стал шире.

Внутри него зажёгся жёлтый больничный свет.

— Вы ждали, — сказал Артём. Не спросил. Понял.

— Разлом открываем мы, — ответила женщина-врач. — Дом и любовь открываете вы. Мы ждали, когда вы откроете их до конца.

Она посмотрела мимо него — на дверь спальни.

— Пора.

Артём почувствовал, как в груди открывается тяжесть. Будто внутри него была маленькая дверь, и за ней — звезда, сделанная не из огня, а из падения.

Лера заплакала.

— Нет.

— Пожалуйста.

В дверях спальни появился Яша.

Сонный, в пижаме, с растрёпанными волосами.

— Пап?

И вот тогда заряд проснулся полностью.

Мир стал прозрачным.

Артём увидел квартиру не как комнаты, а как узел связей. Лера — тёплая линия, уходящая в годы назад и вперёд. Яша

— яркая, ещё не закреплённая траектория, полная возможных будущих жизней. Дом — не стены, а множество повторений: завтраки, болезни, праздники, ссоры, примирения, детский смех, молчание вечером, свет на кухне. Земля за окнами — огромная сеть таких узлов. Миллиарды привязок. Миллиарды причин оставаться.

И заряд внутри него потянулся к центру этой сети.

К источнику.

Женщина-врач улыбнулась печально.

— Вот теперь.

8. Направление

[МЕСТО ДЛЯ ПОЛОСНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ]

Промпт: *Ночная спальня, в стене — вертикальный светящийся разлом; за ним больничный коридор и женщина-врач, приложившая ладонь к невидимой границе. Мужчина заслоняет собой женщину и сонного мальчика в пижаме. На полу — маленькая красная пластиковая деталь. Стиль серии: монохромная карандашная графика с мягкой светотенью, реализм с лёгким сюрреалистическим сдвигом, без текста и надписей в кадре, полосная книжная иллюстрация 145×215.*

Время остановилось не полностью.

Оно стало вязким.

Лера тянулась к Яше. Яша смотрел на разлом. Женщи-на-врач стояла по ту сторону, и за её спиной больница рас-крывалась всё шире, как пасть. Врачи, санитары, пациенты, коридоры, лестницы, палаты, детский корпус несостоявших-ся, отделение переноса вины, операционный зал с кольцами — всё это накладывалось на спальню, на шкаф, на детский рисунок, приклеенный к стене.

Артём понял, что сейчас должен был стать дверью.

Заряд не просто взорвался бы. Он прошёл бы через него, через его любовь, через его желание защитить дом — и на-шёл бы источник. Разрушение было бы не внешним ударом, а внутренним разрывом. Земля сама стала бы местом выхо-да энергии.

Но Лев написал: направление можно изменить только в момент узнавания.

Не раньше. Не позже.

Артём сжал красный стабилизатор в ладони.

Маленькая пластиковая деталь. Игрушка. Запасная часть от ракеты, которая никогда не летала. Нелепый предмет на фоне планет, гравитационных волн, межслойных существ и больницы причинности.

Но именно она была якорем.

Не символом Земли вообще. Не абстрактным человечеством. Конкретной любовью, имеющей форму, цвет, неровный край.

Он посмотрел на Яшу.

— Закрой глаза.

— Пап...

— Закрой.

Яша закрыл.

Лера уже бежала к нему, но медленно, слишком медленно.

Артём повернулся к разлому.

Женщина-врач поняла первой.

Её лицо изменилось.

— Капитан, не надо.

В её голосе впервые был страх.

— Вы хотели мою волю, — сказал Артём.

Слова давались трудно. Грудь распирало тяжестью. Он чувствовал, как заряд ищет путь, как гравитация внутри него становится не силой, а решением.

— Вот она.

Он шагнул к разлому.

Земля за его спиной стала звать.

Не голосом. Всем сразу. Запахом яблок. Теплом руки. Сыном. Женой. Океанами. Городами. Лесами. Ночными окнами. Всем, что было источником не как механизмом, а как жизнью.

И именно поэтому он смог развернуть направление.

Не от любви. Через любовь. В разлом.

Туда, где стояли они.

Женщина-врач отступила.

За ней началось движение. Врачи побежали. Санитары бросились к дверям. Старик с папкой поднял руки, будто хотел закрыть собой больницу. Где-то глубже, в техническом корпусе, Артём увидел Павла. Тот стоял у огромного кольца, держал в руках вырванный кабель и смеялся.

Лев был рядом с ним.

Лингвист держал раскрытую книгу.

Он посмотрел на Артёма и кивнул.

Самира однажды сказала, что проходники чувствуют границы.

Теперь Артём тоже почувствовал.

Разлом был не дырой. Он был швом. И заряд, созданный для разрыва источника, можно было пустить по шву обратно — в карман, откуда пришла игла.

Врачи не ожидали этого, потому что мыслили операцией.

Они забыли, что пациент может не просто сопротивляться.

Пациент может выбрать, куда направить боль.

Артём вошёл в разлом.

На мгновение спальня и больница совпали.

Он почувствовал, как Лера схватила его за руку. Или попыталась. Их пальцы почти встретились, но между ними уже была граница.

— Артём! — крикнула она.

Он хотел сказать ей многое. Объяснить, попросить прощения, оставить инструкции, сказать Яше, что страх не отменяет любви, а любовь не отменяет страха. Но времени не было, а слова стали слишком медленными.

Поэтому он только улыбнулся.

И отпустил красный стабилизатор.

Пластиковая деталь упала на пол спальни.

А сам он оказался по ту сторону.

В больнице был хаос.

Коридоры тряслись. Лампы лопались одна за другой. Стены растягивались, обнажая под собой другие стены, другие эпохи, другие материалы. Пациенты выходили из палат. Некоторые плакали. Некоторые смеялись. Некоторые просто стояли, подняв лица, как люди, впервые увидевшие дождь.

Женщина-врач стояла перед ним.

Совсем близко.

— Вы не понимаете, что делаете, — сказала она.

— Понимаю.

— Мы хотели свободы.

— Вы хотели убить мой дом.

— Ваш дом убил наши.

— Возможно.

Она вздрогнула.

Он сам удивился этому слову. Возможно. Не отрицание. Не оправдание. Не победная фраза героя, который знает, где

добро.

Возможно, Земля действительно была источником, удерживающим другие ветви в тени. Возможно, красота его мира стояла на невидимом кладбище несостоявшихся миров. Возможно, вся человеческая история была не только чудом, но и насилием структуры над возможностью.

Но из этого не следовало, что нужно убить ребёнка в пижаме.

— Тогда вы такой же, как источник, — сказала она. — Вы выбираете свою линию.

— Да.

В этом «да» не было гордости.

Только ответственность.

Заряд раскрылся.

Сначала — тишина.

Потом больница начала складываться внутрь себя.

Не взрываться наружу, не гореть, не рушиться камнями. Она сжималась, как сворачивается бумага в огне, только огонь был гравитационным, невидимым. Коридоры уходили в точки. Палаты становились линиями. Лестницы ломались в углы, невозможные для глаза. Люди в халатах падали, но не вниз — в собственные тени.

Артём увидел проходников.

Они плыли за стенами больницы, в межслойном океане. Десятки, сотни. Большие и малые. Они кружили вокруг разрушающегося кармана, но не входили внутрь. Их зубастые

морды были обращены к нему, и в их движении не было ни страха, ни радости.

Только свидетельство.

Женщина-врач упала на колени.

— Мы почти вышли, — прошептала она.

Артём опустился рядом. Тяжесть в груди уже не была внутри него. Она стала всем вокруг.

— Куда бы вы пошли?

Она посмотрела на него, и на секунду он увидел не врача, не врага, не фанатика, а человека, который столетиями жил в коридоре и называл его миром.

— В сад, — сказала она.

Больница дрогнула.

За её спиной действительно открылся сад. Берёзы. Мокрая трава. Деревянная скамейка. Низкое небо. Может быть, иллюзия. Может быть, память их ветви. Может быть, место, куда они все хотели вернуться.

— Простите, — сказал Артём.

Она закрыла глаза.

— И вы нас.

Потом свет стал белым.

9. По эту сторону

[МЕСТО ДЛЯ ПОЛОСНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ]

Промпт: *Сад: берёзы, мокрая трава, деревянная скамейка, низкое серое небо. Четверо — мужчина, женщина в простом тёмном платье, инженер с мотком кабеля на плече, лингвист с книгой под мышкой. В облаках над садом плывут длинные гибкие силуэты с зубастыми мордами. Тихо и свободно. Стиль серии: монохромная карандашная графика с мягкой светотенью, реализм с лёгким сюрреалистическим сдвигом, без текста и надписей в кадре, полосная книжная иллюстрация 145×215.*

В квартире Северина взрыв не прозвучал.

Лера потом пыталась объяснить это следователям, врачам, психологам, профессору Даль, самой себе. Не было ударной волны. Не было огня. Не выбило окна. Не обрушились стены. Просто на несколько секунд вся комната стала слишком глубокой, будто за каждым предметом открылось бесконечное расстояние.

Кровать была здесь.

Шкаф был здесь.

Яша стоял в дверях с закрытыми глазами.

Артём был здесь — и уже не здесь.

На стене сиял разлом, в который уходил свет. Лера видела в нём коридор, людей в белом, лицо женщины, которую ненавидела, хотя не знала. Потом коридор начал сворачиваться. Лера бросилась вперёд, но невидимая сила оттолкнула её не грубо, а окончательно.

Она упала на пол. Яша закричал. Разлом схлопнулся.

Тишина стала такой полной, что несколько секунд Лера слышала только собственное сердце.

На полу лежала красная пластиковая деталь.

Через семь минут в квартиру вошла группа Даль.

Через десять — весь дом был эвакуирован.

Через час — район накрыли объяснением о локальном гравитационном сбое.

Через сутки — Земля продолжала вращаться.

Мнема исчезла с орбиты Эвридики через три дня.

Не разрушилась. Не улетела. Просто перестала фиксироваться приборами. На её месте осталась слабая гравитационная рябь, которая постепенно рассеялась. Все попытки найти остатки спутника ничего не дали. Эвридика стабилизировалась. Проект «Орфей» закрыли официально из-за «непредусмотренных системных рисков». Неофициально — потому что никто больше не хотел трогать швы.

Евгения Ли успела. Она просидела с матерью под Рязанью одиннадцать дней, до конца, а через полгода уволилась из флота — по её словам, потому что устала считать часы в обе стороны.

Мирон Антонов написал закрытый труд о гравиметрии причинности и через год исчез из публичной науки. Говорили, что он преподаёт в маленькой школе под другой фамилией — старую физику, ту, в которой масса ещё честная.

Самира Кай добилась создания первой программы наблюдения за межслойными формами жизни. В её кабинете висел рисунок: длинное зубастое существо, похожее на космического дельфина. Под рисунком было написано детской рукой: «Папа видел такого».

Лев Нор и Павел Руденко официально числились погибшими.

Но однажды профессор Даль получила бумажное письмо. Оно лежало утром на её столе, хотя охрана утверждала,

что ночью никто не входил. Бумага была старая, плотная. По-черк — неровный.

«Мы не знаем, где мы.

Это не больница. Уже хорошо. П. ругается и чинит то, что не имеет права работать. Я перевозжу тишину. Если источник жив, пусть помнит: устойчивость не невинность. Но и вина не приговор.

Л.»

Даль долго держала письмо в руках.

Потом положила его в сейф, где хранились вещи, для которых ещё не существовало научной категории.

Лера не любила слово «герой».

Когда ей пытались говорить, что Артём спас Землю, она чувствовала злость. Земля была слишком большой, чтобы её можно было утешить этим словом. А потеря была слишком конкретной.

Герой — это памятник.

А ей не нужен был памятник.

Ей нужен был муж, который утром забывал закрыть шкаф, пил кофе слишком горячим, спорил с новостями, смеялся над Яшиными шутками и иногда молчал так долго, что приходилось трогать его за плечо, чтобы вернуть в комнату.

Яша первое время не говорил о той ночи.

Потом однажды спросил:

— Папа умер?

Лера долго не знала, что ответить.

— Я не знаю, — сказала она наконец.

— А где он?

Она посмотрела на окно. За стеклом был обычный вечер. Машины во дворе, свет в соседних квартирах, облака над городом.

— Он сделал так, чтобы мы остались здесь.

Яша подумал.

— Это значит, он далеко?

— Да.

— Дальше космоса?

Лера вспомнила разлом. Белый свет. Его улыбку.

— Наверное.

Яша кивнул, будто это имело смысл.

Через неделю он поставил на полку недостроенную модель ракеты. У неё не хватало одного стабилизатора. Лера предложила купить новый набор, но Яша отказался.

— Так правильно, — сказал он. — Один должен быть у папы.

Лера не сказала, что красная деталь лежит у неё в ящике стола, завёрнутая в ткань.

Она не смогла её выбросить.

Иногда по ночам ей казалось, что в квартире снова пахнет больницей. Она просыпалась, садилась в кровати и слушала. Капельницы не было. Разломов не было. Только дом, дыхание сына за стеной, далёкий шум города.

Но однажды, почти через год, она увидела в зеркале не

коридор.

Сад.

Берёзы. Мокрая трава. Скамейка.

На скамейке сидел человек.

Она не увидела лица. Только силуэт. Плечи. Наклон головы.

Лера не закричала. Не позвала. Не подошла ближе.

Она просто стояла и смотрела, пока изображение не исчезло.

Утром она достала красный стабилизатор и положила его на подоконник.

Солнце проходило сквозь пластик, делая его почти прозрачным.

Где-то далеко, за пределом мира, если слово «где-то» ещё имело смысл, Артём Северин открыл глаза.

Он лежал на траве.

Небо над ним было низким и серым. Пахло дождём. Рядом шумели берёзы. Тело болело, но было телом. Не контейнером. Не дверью. Не зарядом.

Он сел.

В нескольких шагах стояла женщина-врач.

Без халата. В простом тёмном платье. Она смотрела на сад так, будто боялась, что он исчезнет, если моргнуть.

— Мы живы? — спросил Артём.

Она не ответила сразу.

— Не так, как раньше.

— Где мы?

— Между.

Из-за деревьев вышел Павел. На плече у него висел моток кабеля неизвестного происхождения. Он увидел Артёма, остановился и расплылся в улыбке.

— О, капитан. А мы тут как раз думали, кто виноват.

Следом появился Лев с книгой под мышкой.

— Я говорил, что он придёт.

— Ты говорил, что вероятность лингвистически допустима, — сказал Павел. — Это другое.

Артём медленно поднялся. В груди было пусто. Но не мёртво. Просто свободно от тяжести.

— Земля?

Лев кивнул.

— Стоит.

Артём закрыл глаза.

На мгновение он почувствовал её. Не как источник. Как дом. Далёкий, недостижимый, живой.

— А мы?

Павел посмотрел на небо.

В серых облаках что-то двигалось. Длинное, гибкое, с зубастой мордой. Существо плыло над садом, как рыба под поверхностью воды. Потом ещё одно. И ещё.

— А мы, — сказал Павел, — кажется, теперь местные.

Женщина-врач подошла к Артёму.

— Я не знаю, можно ли отсюда вернуться.

— Я тоже.

— Вы всё равно будете пытаться?

Он посмотрел на сад. На берёзы. На людей, которые были врагами, пациентами, остатками, спутниками чужой истории. На проходников в небе. На мир между мирами, где, возможно, ещё оставались те, кого источник когда-то не смог вместить.

Потом — туда, где за невидимой границей была Земля.

Лера. Яша.

Красный стабилизатор на подоконнике.

— Да, — сказал Артём. — Но сначала надо понять, где мы.

Лев улыбнулся.

— Тогда начнём с языка.

Павел поднял кабель.

— А я начну с того, что найду, куда это подключается.

Женщина-врач впервые почти рассмеялась.

Где-то вдалеке зашумел дождь.

Артём поднял лицо к небу. Одна из зубастых теней скользнула над ним, медленная и свободная. Космос больше не был пустотой. Мир больше не был одним. Источник больше не был невинным. Но Земля жила.

И пока она жила, где-то оставалась дорога.

Даже если дорога проходила через больницу, через вину, через межслойный океан, через сад, которого не было ни в одной карте.

Артём сделал первый шаг.

Спутник исчез.

Но то, что было спутником, продолжало сопровождать их.

Как стая странных существ сопровождает лодку в откры-

том море.

Не нападая.

Не спасая.

Просто напоминая, что океан всегда был больше, чем человек думал.